

Д. В. Сичинава

**«ДЛИННЫЕ» И «КОРОТКИЕ» ФОРМЫ НА ПУТИ
ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ «РЕЗУЛЬТАТИВ —
ПЕРФЕКТ / ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ»
(материалы к типологии)**

Речь пойдёт о вариативности глагольных форм на пути грамматикализации, ведущем от результата к перфекту и/или эвиденциальности. В большинстве случаев речь идёт о вариативности по признаку наличия/отсутствия вспомогательного глагола (связки). Такое соответствие форм хорошо известно, например, в болгарском языке (где часто усматривается семантическое противопоставление *e чел* ‘читал’ — *чел* ‘говорят, читал’). Один нетривиальный тип соотношения подобных форм изложил Александр Евгеньевич Кибрик в «Опыте структурного описания арчинского языка», см. Кибрик 1977; типологическая значимость арчинских данных уже отмечалась в Tatevosov 2001. Мне хотелось бы посвятить эти не претендующие на полноту заметки о типологии схожих соотношений памяти Александра Евгеньевича.

**1. МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ**

Выявлен (как минимум со времён Эмиля Бенвениста) и хорошо изучен типологически устойчивый путь семантической эволюции от результата к простому прошедшему через стадию перфекта. Известно также, что перфектные и перфектоидные формы в языках мира нередко имеют также значения эвиденциального типа (адмиратив, косвенная засвидетельствованность, инферентив, сомнение в истинности пересказываемой информации и др.). В работе Bybee et al. 1994 указано, что эвиденциальность развивается именно из стадии перфекта (*anterior*); С. Г. Татевосов в работе Tatevosov 2001 предложил коррективы к этой схеме, показав, что в действительности диахроническим предшественником эвиденциальной формы может быть не перфект, а непосредственно результатив.

В этой статье будут рассматриваться аналитические формы, имеющие результативную, перфектную или эвиденциальную интерпретацию, первоначально образованные при помощи вспомогательного глагола и нефинитной формы. Как известно, в истории языка вспомогательный глагол (связка) может исчезнуть, как это произошло при переходе от праславянского перфекта типа *есть шьль* к современному русскому претериту *шёл*. Отметим, что здесь морфологическая эволюция сопровождается семантической; утрата связки в перфекте, превращающемся в претерит, как пример двусторонней эволюции языкового знака приведён в известной статье Bybee, Dahl 1989. Однако известны также случаи синхронного сосуществования в различных языках «длинных» и «коротких» вариантов таких форм, а во многих случаях и синхронной семантизации различия между ними. Это так называемое «наслаивание» — *layering*,

по Norper 1991 — синхронное сосуществование разных форм с одинаковым источником грамматикализации. Пространство возможностей для подобного распределения представляет определенный типологический интерес.

Мы используем термины «длинная» и «короткая» форма, поскольку наиболее распространённый вариант морфологического соотношения двух форм — наличие vs. отсутствие вспомогательного глагола (связки) — не исчерпывает всех возможностей. Именно это соотношение представлено, например, в балтийских, германских и славянских языках, а также в арчинском. Но при этом известны также следующие формальные соответствия (примеры см. ниже в статье):

язык хинди: «короткая форма» — стандартная аналитическая, «длинная» — аналитическая с двумя связками (структурный аналог европейских «сверхсложных форм», имеющих, в отличие от неё, значения плюсквамперфектного типа, о которых см., например, Сичинава 2007);

чукотский язык: «короткая форма» — форма со вспомогательным глаголом, инкорпорированным как суффикс, «длинная» — форма с отдельным вспомогательным глаголом;

албанский язык: «короткая форма» — усеченная нефинитная форма с суффиксом, совпадающим со вспомогательным глаголом; «длинная форма» — вспомогательный глагол в препозиции к полной нефинитной форме.

В Norper, Traugott 1993: 125 для схожих пар «наслаивающихся» форм используются термины «полная» и «редуцированная». Мы не используем эти ярлыки, поскольку они предопределяют решение вопроса о первичности и вторичности соответствующих форм, что в ряде случаев не очевидно: это относится прежде всего к языкам с факультативным употреблением связки, а также, например, к хинди, где хронологическое соотношение, по-видимому, обратное.

2. СИНОНИМЫ / НЕВЫЯВЛЕННОЕ РАЗЛИЧИЕ

Различие между «длинной» и «короткой» формами, по-видимому, не обязательно отражает продвижение по пути грамматикализации: в ряде языков семантическое различие между такими парами эксплицитно отрицается в описаниях (возможно, оно пока не выявлено). Тривиален такой феномен в языках, где нефинитные причастия употребляются в независимых предложениях в предикативной функции, причём они могут факультативно принимать глагол-связку и/или личные окончания. Указанный тип языков детально разобран в исследовании Калинина 2001 (см. также специальную работу этого же автора о проблеме связки в данных языках, Калинина 2004); обычно здесь связка в презенсе факультативна или даже стандартно опускается, а в остальных временах обязательна (см. также Johansson 2000: 125). Такая вариативность наблюдается, в частности, у балтских, финно-угорских, тюркских аналитических форм. Например, относящийся к этому типу литовский язык имеет «длинную» и «короткую» формы результата (совмещённого с пассивом) — в настоящем времени связка, то есть форма глагола ‘быть’, факультативна, см. Генюшене, Недялков 1983: 160:

- (1) а. Durys užrakintos
 б. Durys yra užrakintos
 ‘Дверь [есть] заперта’ (букв. ‘двери заперты’, pluralia tantum)

Для литовского языка характерны два коррелирующих¹ синтаксических параметра: предикативное употребление (дее)причастий (см. Калинина 2001: 50–51) и выражение предикативных категорий при именном сказуемом без помощи особенной связки (там же: 99; см. также Вимер 2008). Аналогичная вариативность, но уже семантизированной, свойственна и литовскому перфекту (см. ниже).

Синонимия отмечена и при иных типах соотношений «длинных» и «коротких» форм. В чукотском языке (см. Недрялков, Инэнликей, Рахтилин 1983: 104) также имеются синонимичные («равнозначные») «цельнооформленный» и аналитический результативы. Последний образуется при помощи наречия на *-ты* и формы глагола *ва-/тва-* ‘быть, находиться’:

- (2) *Ынцин ыырап-эты ны-тва-кэн*
‘Так на коленях стояла она’,

в то время как в обычном цельнооформленном результативе глагол ‘быть’ инкорпорирован и выступает уже фактически как глагольный суффикс.

3. «ДЛИННЫЙ» РЕЗУЛЬТАТИВ VS. «КОРОТКИЕ» ФОРМЫ С НОВЫМ ЗНАЧЕНИЯМИ

В случаях, когда вариативность затрагивает формы с результативным значением, семантически более консервативной, по имеющимся данным, оказывается «длинная» форма. В статье Tatevosov 2001 анализируются (по материалам описания Кибрик 1977) данные глагольной системы арчинского языка (лезгинская группа дагестанских языков); функционирование финитных арчинских форм, образованных при помощи причастия прошедшего времени на *-li*, обнаруживает «удивительное сходство с балканскими славянскими языками. Так, и в болгарском, и в арчинском наличие/отсутствие вспомогательного глагола [в форме настоящего времени — *Д. С.*] связано с грамматическим маркированием эпистемической информации», см. Tatevosov 2001: 459; однако в арчинском, в отличие от болгарского (о котором см. ниже), форма со вспомогательным глаголом имеет только результативное значение:

- (3) *mahommad q'owdili wi* [Кибрик 1977:195]
‘Магомед сидит’
*‘{Я вижу||Мне сказали}, что Магомед сел’,

а форма без вспомогательного глагола — собственно перфектное, адмиративное и заглазное:

- (4) *mahommad q'owdili*
‘{Я вижу||Мне сказали}, что Магомед сел’
*‘Магомед сидит’

¹ «Универсалия 1» по Калинина 2001: 112: «Если в языке финитное и нефинитное (атрибутивное и/или актантное) употребления для некоторой формы являются в равной степени маркированными, то в этом языке предикативное употребление для имён (существительных и прилагательных) также является немаркированным»; см. также особую работу о типологии наличия/отсутствия связки в именном предложении Калинина 2004. Данный тип языков отмечался и ранее: «в удмуртском и бурятском... нефинитная форма, означающая прошедшее время или пассив, используется с личными и числовыми окончаниями как показатель прошедшего времени и/или результата», см. Vybee et al. 1994: 56.

Две синонимичные формы результатава, образованные при помощи «просто-го» и «сложного» перфективного причастия, имеются также в литературном хинди, см. Липеровский 1976. Первая представляет собой сочетание перфективного причастия со вспомогательным глаголом *honā* 'быть' в форме презенса (результатив в настоящем) либо имперфекта (результатив в прошедшем); вторая же дополнительно осложнена перфективным причастием от самого глагола *honā*; таким образом, по структуре эта последняя вполне аналогична сверхсложной форме европейских языков, однако лишена той семантики, которую имеют соответствующие западноевропейские (близость к показателю плюсквамперфекта или «неактуального прошедшего») или балканские, тюркские и иранские формы (сочетание прошедшего времени с эвиденциальностью).

Создание второй формы (со «сложным» причастием), по-видимому, связано с тенденцией избежать омонимии результатава и перфекта: «первая форма омонимична перфекту; тем не менее при любой форме результатив ясно отличается от перфекта интранзитивностью конструкции...», см. Недялков, Яхонтов 1983: 15.

- (5) *Lifafe par us kā nām aur hostal kā patā likhā [huā] hai*
'На конверте написаны её имя и адрес общежития'

В объектном результате, действительно, пациенс выступает в прямом падеже, а причастие согласуется с именем объекта (Липеровский 1976: 107), чего нет в перфекте, где субъектная и объектная конструкция унифицированы (об этой типологической особенности грамматикализации перфекта см. также ниже, раздел 2.3.4).

Однако в контекстах с непереходным глаголом омонимия перфект/результатив может быть снята только при помощи формы со сложным причастием. В. П. Липеровский приводит пример из сочинения индийского филолога Рамчандры Вармы, где указывается, что сложное перфективное причастие не может употребляться в контекстах, когда результат некоторого действия не имеет места в плане повествования, так, в примере

- (6) *māi ne vah guphā bhī dekhī jahā Raṇā Pratāp Sīh chipe hue the*
'Я увидел также пещеру, где скрывался Рана Пратап Синх'

(речь идёт о состоянии, отсутствовавшем в момент речи; рассказчик отправился к пещере много лет спустя после смерти Р. П. С.)

следовало бы употребить форму простого причастия, которая получит перфектную (а не результативную) интерпретацию: *chipe the*: «благодаря осложнению причастия вторым компонентом исключается возможность понимания соответствующей части предложения, а именно сказуемого... в значении перфекта или плюсквамперфекта», см. там же: 105. Липеровский уязвляет данный процесс с грамматикализацией перфекта и отделением его от результатава: «По мере того как сочетание простое причастие + *hona* (=hai/thā) утрачивает эту [результативную] функцию, т. е. приобретает черты перфекта/плюсквамперфекта действия, язык, для того чтобы восполнить образующийся семантический «пробел», начинает ощущать необходимость в использовании сочетания «сложное причастие + *hona* (=hai/thā)», см. там же: 106.

Таким образом, перед нами случай образования синонимичной глагольной формы под влиянием системной лакуны: движущей силой соответствующего процесса стало «разрешение задачи» — «problem solving», см. Dahl 2004: 125.

Не исключено, что схожее, связанное с результативным значением распределение связочных и бессвязочных форм было на некотором этапе синхронно свойственно и древ-

нерусскому языку. Как известно, в истории русского языка перфекту со связкой (типа *ходиль есть*) пришла на смену форма (уже утративший специфическую семантику и превратившийся в простое прошедшее) без связки (типа *ходиль*)². Однако этому изменению предшествовал период, в течение которого обе формы сосуществовали и конкурировали. Исследование ситуации затрудняется тем, что, с одной стороны, многие памятники раннедревнерусского периода сохранились в поздних списках, где переписчики могли уже опускать связку в соответствии с узусом того времени (так, нам кажется неоправданным привлечение К. ван Схоневелдом в van Schooneveld 1959 материала Слова о Полку Игореве, погибший список которого относился, судя по всему, к XV—XVI вв. и практически наверное содержал инновации в глагольной системе), а, с другой стороны, литературные древнерусские памятники нельзя считать отражением разговорного узуса.

Данные берестяных грамот Зализняк 1995/2004: 179 показывают, что в грамотах самого раннего периода связка в 3-м лице в перфекте уже практически не употребляется, а в первых двух лицах служит фактически показателем лица (и в дальнейшем модель вроде *слышалъ еси* вытесняется моделью *ты слышалъ*, где функция *еси* и *ты* одинакова). Книжные памятники дают несколько иную картину: здесь связки «употребляются сравнительно часто» и встречаются даже в прямой речи персонажей, см. там же.

К. ван Схонеveld (van Schooneveld 1959: 120–121), строящий своё описание древнерусской глагольной системы на жёстких структуралистских оппозициях, считает перфект без связки «маркированной» формой, означающей, в независимом предложении, нечто новое для говорящего и адресата, «внезапность» (abruptness) ситуации, подчёркивающей значение достигнутого результата. Эти выводы он — с известной осторожностью — сближает с заключениями И. Грицкат относительно бессвязочного перфекта в современном сербохорватском (см. ниже). По данным П. В. Петрухина, посвятившего перфекту в русском летописании несколько важных работ, напр. Петрухин 2004а, 2004б, 2008, большую роль в этом выборе играют регистровые факторы: перфект 3-го лица со связкой типа *пришель есть* употребителен в контекстах, для которых характерно книжное, церковнославянское влияние выбора форм, кроме того, выбор может зависеть от школы, к которой принадлежал конкретный писец (например, в Галицко-Волынской летописи в первой ее части до 1260 г. связка выступает почти всегда, а после этой даты — почти никогда, см. Петрухин 2008: 219). Интересны результативные контексты типа следующих примеров из Повести временных лет: *откуда есть пошла Русская земля* (введение) или *есть же манастырь Печерскыи ѿ блгсны Сты Горы пошель* (Лаврентьевская летопись, 1051, л. 159), которые в принципе возможно связывать с бытийной семантикой данного глагола и характерными для более поздних памятников (см. Шевелева 2006) не книжными конструкциями с избыточным *есть* 'имеет место следующее...'. Ср. также схожую интерпретацию в Зализняк 1995/ 2004: 179 уникального примера из берестяной грамоты с *есть* в перфекте.

Таким образом, в тех случаях, где древнерусским связочным формам можно приписать особую семантику, она как будто бы связана именно с подчёркиванием результативной интерпретации перфекта. Не исключена даже типологическая близость к ситуации в хинди — возможно, русская «длинная» форма, хотя и не создана заново, но и чистым архаизмом не является, а дополнительно синхронно мотивирована семантикой глагола, выступающего в функции связки.

² Из славянских языков сосуществование простых прошедших (general pasts) со связкой и без связки как будто бы наблюдается (наблюдалось) в кашубском, причем связочная форма используется в основном пожилыми людьми, см. Tommola 2000: 470.

4. «ДЛИННЫЙ» ПЕРФЕКТ И ЭВИДЕНЦИАЛИЗАЦИЯ «КОРОТКИХ» ФОРМ

В ряде языков «длинная» форма имеет перфектную интерпретацию, а «короткая» обнаруживает то или иное тяготение к эвиденциальной сфере значений. Характерно, что в двух случаях — а именно в литовском и болгарском языках — традиционные грамматические описания иногда жёстко противопоставляют эти формы, в то время как последние исследования показывают, что соотношение форм и интерпретаций носит не столь однозначный характер.

Наиболее четко формальное и семантическое разграничение «длинной» и «короткой» форм в албанском языке. Здесь форма, традиционно известная как адмиратив («информация является новой для говорящего, не соответствует его ожиданиям и/или противоречит его картине мира», см. DeLancey 1997; именно для описания албанского адмиратива соответствующий термин был впервые введён О. Дозоном в 1879 году), но обладающая, наряду с собственно адмиративным, и пересказывательным значением, и некоторыми модальными (см. подробнее Duchet, Përnaska 1996 : 39–40; Friedman 2000: 342–347), восходит, как и перфект, к сочетанию причастия с глаголом ‘быть’. Однако эти формы отличаются порядком компонентов: в то время как перфекту («длинной форме») соответствует порядок «вспомогательный глагол+причастие», адмиратив настоящего времени («короткая форма») выглядит как «усечённое причастие+вспомогательный глагол»³:

(7) Ai ka punuar [Duchet, Përnaska 1996 : 32]

‘Он поработал’

(8) Ai punuaka [ibid.: 31]

‘[Гляди-ка], он работает’.

Литовский язык, помимо связочного и бессвязочного результатов (см. выше) располагает также перфектом в связочном и бессвязочном варианте, см. Генюшене, Неद्याлков 1983:

(9) Jis [yra] šiltai apsirengė

‘Он тепло оделся’

При этом отметим, что литовский перфект настоящего времени (в отличие от плюсквамперфекта и предбудущего) достаточно близок семантически к результату: как показывают подсчёты Э. Ш. Генюшене и В. П. Неद्याлкова, 70% вхождений непереходного перфекта в текстах имеют стательное, а не акциональное значение (там же: 162). Как отмечает Б. Вимер (2008), «в исследованиях по ‘modus relativus’ и в грамматиках литовского языка перфект и КЗ [косвенная засвидетельствованность] обычно разграничиваются по критерию отсутствия / наличия связки: перфект образуется вместе с формой третьего лица наст. вр. связки *būti* ‘быть’ (*yra*), в то время как у КЗ связка отсутствует». Фактически же, как указывает Вимер, нулевая связка, вообще характерная для литовского языка (см. выше, раздел 2) возможна и с перфектной, а не эвиденциальной интерпретацией, в то время как предложение со связкой *yra* однозначно:

³ Такое же соотношение перфекта и эвиденциального настоящего (“inverted Perfect”) под албанским влиянием возникло и в мегленорумынском языке, см. Friedman 2000: 348.

- (10) а. *Jonas yra atvažiavęs* ‘Йонас приехал’
б. *Jonas atvažiavęs* ‘Йонас приехал’ / ‘Говорят, что Йонас приехал’ /
‘Йонас как будто / вроде приехал’ [Вимер 2008]

Схожее, хотя и несколько иначе устроенная система — пропуск связки *ir* в презенсе, имеющий эвиденциальную интерпретацию, — наблюдается и в латышском языке, см. Johanson 2000: 125.

Для болгарского языка исследователями также нередко проводится формальное различие между образующимися при помощи *л*-причастия и вспомогательного глагола перфектом, с одной стороны, и «пересказывательной» формой аориста, с другой стороны. Оно заключается в том, что отсутствие в третьем лице единственного числа вспомогательного глагола *e* ‘есть’ соответствует эвиденциальной (а также адмиративной) интерпретации, а наличие его — собственно перфектной или инферентивной (см. Guentchéva 1996 : 49; инферентив в Levin-Steinmann 2004 и Ницолова 2006 называется «конклюдивом»); в остальном же лично-числовые парадигмы этих двух глагольных форм совпадают. Начало семантической дифференциации связочной и бессвязочной формы относят уже к XII—XIII вв., см. Ницолова 2006: 39, а её закрепление связывают с тюркским ареальным влиянием (где «длинным» формам соответствуют турецкие формы с *-miştir*, а «коротким» — формы с *-miş*; см. Johanson 2000: 123). Э. Даль (Dahl 1985: 152) рассматривает этот случай как «расщепление PFCTq [перфекта с пересказывательным употреблением] на две формы». В болгаристике перфект и «пересказывательная» форма с 1960-х годов часто рассматриваются как принадлежащие к разным грамматическим категориям — времени и наклонению соответственно.

При этом в ряде работ есть и указания на не столь чёткое распределение связочной и бессвязочной формы: по мнению В. Фридмана (1983: 113), считающего для балканских глагольных систем основным противопоставление не по эвиденциальным, а по модальным параметрам (достоверность/недостоверность информации с точки зрения говорящего, *confirmativity vs. non-confirmativity*), нет необходимости выделять особенную парадигму «пересказывательной» формы; по его мнению, «в недавнопрошедших временах имеется одна симметричная группа парадигм, в которых имеется тенденция опускать вспомогательный глагол немаркированного прошедшего времени, особенно в контекстах неподтверждения», см. Фридман 1983: 116. Согласно Й. Линдстеду (см. Linsteadt 2000: 376–377), в болгарском языке «перфект и косвенный (indirective) аорист не дифференцированы формально. Возможность опустить вспомогательный глагол в третьем лице индиректива, которую часто упоминают нормативные грамматики, не является недвусмысленным показателем: вспомогательный глагол обычно опускается, когда времена индиректива употреблены в связанном нарративе, но это правило не является абсолютным; кроме того, существуют другие употребления индирективных форм, которые вообще формально не отличаются от перфекта». Инферентивная интерпретация указана как допустимая не только у связочных, но и у бессвязочных форм также в Levin-Steinmann 2004. В этой работе также подчеркивается семантическая связь между перфектом и эвиденциальными употреблениями: вторые, с точки зрения Левин-Штайнман, представляют собой скорее вариант перфекта, чем отдельное наклонение.

Вот примеры, когда при переводе русских квазиэвиденциальных показателей (*якобы, будто бы*) в косвенной речи употребляется как болгарский перфект со связкой,

так и без связки (использовался русско-болгарский параллельный корпус Тырновского университета, <http://rbcorpus.com>):

- (11) Если [этот человек —] политический деятель, то обычно появляются слухи, что он якобы занимался бизнесом либо был коррумпирован.

Ако е политик, обикновено се разнасят слухове, че се е занимавал с бизнес или е бил корумпиран.

- (12) Про супругу Берлиоза рассказывали, что будто бы ее видели в Харькове с каким-то балетмейстером, а супруга Степы якобы обнаружилась на Божедомке. (Булгаков, «Мастер и Маргарита»)

За съпругата на Берлиоз разправяха, че я виждали в Харков с някакъв балетмайстор, а съпругата на Стъопа била открита уж в приюта Божедомка

Так или иначе, болгарский перфект (употребляемый со связкой) сохранил неэвиденциальные употребления, прежде всего экспериенциальные (см. Lindstedt 2000: 377), как это вообще характерно для балканского перфекта (македонский, греческий). Ср. (из того же корпуса):

- (13) Приведу я, например, уличать вас мешанинишку, а вы ему скажете: «Ты пьян аль нет? Кто меня с тобой видел?» (Достоевский, «Преступление и наказание»)

Ще доведа например, за да ви разоблича, оня занаятчия, а вие ще му кажете: «Ти да не си пиян? Кой ме е виждал с тебе?»

При этом обязательность его употребления в контекстах «текущей релевантности» утрачена. В следующем примере из типологической анкеты в болгарском допустим аорист (*ibid.*: 371):

- (14) [Ребёнок спрашивает отца: Можно мне погулять?]

Написа ли си домашното?

‘Сделал ли ты домашнюю работу?’

Таким образом, две первоначально синонимичные формы (с опущением и неопущением вспомогательного глагола) превращаются в два не полностью дифференцированных формально показателя (две «ветви» болгарского перфекта, по Й. Линдстету), причём типологически ядерное значение («текущая релевантность») у них обоих выражено нечетко.

Слабее всего выражено связанное с намечающимся эвиденциальной семантикой разграничение двух форм в сербохорватском языке. Данной теме посвящена особая монография Грицкат 1954. И. Грицкат отмечает, что «короткая» форма перфекта связана с жанром дискурса, или типом текста: так, опущение связки не встречается в научной прозе и вообще в «объективном» повествовании, в то время как в «экспрессивном» высказывании, связанным с моментом речи или преследующим прагматические цели особого рода (связанные с тем или иным «вовлечением» читателя в пространство текста) она широко употребительна. В сербохорватских литературных текстах до XIX века она не отмечена вовсе (ограниченно проникая в не книжные источники), что может быть связано с указанным жанровым ограничением. Имеется также ряд чисто синтаксических факторов, способствующих выбору «короткой» формы: «бессвязочные формы перфекта нейтральны при синтаксически обусловленном употреблении, например, в 3-м лице возвратных глаголов» (см. Кречмер, Невекловский 2005: 163), а также в зависимых предложениях (Lindstedt 2000; см. также ниже).

Для перфекта без связки в сербохорватском характерны собственно перфектные («подчёркивание обычного смысла перфекта», см. Грицкат 1954: 214) употребления, либо с результитивной семантикой (часто при словах *a to, kad li* ‘и вот’):

- (15) Kad se gore pornem, a to moje proso uzrelo
 ‘Когда поднимаюсь я наверх — вот, [уже] созрело моё просо’

либо с семантикой прагматической актуальности («ситуации, ни в каком смысле не определённые и употребление которых вызвано лишь склонностью, которую язык имеет к этой, аффективно более экспрессивной форме», *ibid.*: 213–214):

- (16) Eto ja dobio a on izgubio
 ‘Вот, я победил, а он проиграл’
- (17) Umro kralj! Koga ćemo za kralja?
 ‘Король умер! Кого же мы хотим в короли?’

Эта форма также выступает в контекстах, где появляется новая информация:

- (18) Gle, — reče Nera, — a ja sela na tvoje mesto.
 ‘Гляди, — сказала Нера, — а я села на твоё место’,

в том числе в газетных заголовках (значение “hot news”) в тех случаях, когда информация «не связана с каким-либо предшествующим знанием о субъекте»; в противном случае равно возможны оба варианта:

- (19) Preplivala *(je) Lamanš
 ‘Она переплыла Ла-Манш!’
- (20) Poznata plivačica Švedanka N. N. preplivala (je) Lamanš
 ‘Известная шведская пловчиха N. N. переплыла Ла-Манш’

Подобное подчёркивание прагматического компонента перфекта, — через выражение эпистемической неожиданности события, — может являться, по нашему мнению, начальной стадией грамматикализации бессвязочной формы в направлении адмиратива. Подобное развитие, как мы видели, засвидетельствовано для «короткой» эвиденциальной формы в албанском и болгарском языках. Кроме того, перфект без связки в сербохорватском в последнее время получает и собственно эвиденциальное значение, употребляясь в пересказывательной функции, подобно аналогичной болгарской форме, см. Levin-Steinmann 2004: 15.

5. «ДЛИННЫЙ» ПЕРФЕКТ И «КОРОТКИЕ» ФОРМЫ В ЗАВИСИМЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

В литературном немецком языке — здесь и далее речь идёт о языках, в нормальном случае различающих причастные и финитные формы — вплоть до XIX в. вспомогательный глагол в перфекте факультативно опускался, особенно в подчиненных предложениях. Э. Даль сравнивает это явление с «*corula drop*» в славянских языках и приводит в пример начало «Пролога в театре» из «Фауста» Гёте:

- (21) Ihr beiden, die ihr mir so oft
 In Not und Trübsal, beigestanden ...
 ‘Вы оба, которые мне столь часто
 Во [времена] нужды и скорби помогали’,

где причастие прошедшего времени употреблено без вспомогательного глагола (ihr... beigekommen *habt). Добавим, что такое причастие без связки могло иметь не только перфектную, но и плюсквамперфектную интерпретацию (в примере ниже — du getragen hattest); о плюсквамперфектной интерпретации древнерусского перфекта, в том числе без связки, ср. Петрухин 2004а, 2008:

- (22) Sieh, Herr, den Ring, den du getragen,
 Ihn fand ich in des Fisches Magen,
 O, ohne Grenzen ist dein Glück! (Schiller, Der Ring des Polykrates)
 ‘Посмотри, господин, на кольцо, которое ты носил,
 Его нашёл я в желудке рыбы,
 О, безгранично твое счастье!’

«В современном немецком, однако, процесс [грамматикализации] оказался обратимым, а именно, больше уже невозможно опустить вспомогательный глагол в перфекте. (По иронии судьбы принцип, согласно которому вспомогательный глагол может быть опущен в зависимом предложении, заимствован в письменный шведский, где сохранился до настоящего времени)», см. Dahl 2000: 12. Связано ли как-то это различие между литературным немецким и шведским с тем фактом, что в немецком перфект приобрёл значение простого прошедшего, а в шведском — нет, неясно.

Подобное синтаксически обусловленное употребление вполне объяснимо; связка выступает (прежде всего в европейских языках) как непрменный маркер предикативности и синтаксической структурированности предложения, см. Калинина 2004; синтаксически зависимое предложение — контекст уже «ослабленный» с этой точки зрения, и связка здесь уже может теряться.

Это явление имеет параллель и в славянских языках, где имело место развитие перфекта в сторону простого прошедшего. При соблюдении ряда условий в сербохорватском языке также допускается употребление в зависимых предложениях перфекта без связки, см. Lindstedt 2000: 377. Для древнерусского перфекта без связки также, возможно, значимо употребление в придаточных предложениях; ван Схоневелд полагает, что предложенные им семантические ограничения в этих контекстах не действуют и они представляют собой особый случай (van Schooneveld 1959: 120), впрочем, это может быть связано просто с тем, что, как отмечает П. В. Петрухин в работе 2004а: 86, перфект, передающий в древнерусском летописании фоновую информацию, вообще, независимо от наличия или отсутствия связки, особенно часто употребляется в придаточных.

6. ИТОГИ

Распределение типов употреблений между «короткой» и «длинной» формой представлено в Таблице 1 ниже.

Таким образом, на предложенном материале можно предварительно выделить следующие закономерности:

- 1) консервирование у «длинной» формы результативного значения, в том числе, возможно, вторичного характера;
- 2) тенденция к эвиденциализации «короткой» формы;

- 3) появление у «коротких» форм употреблений в зависимых предложениях
 4) неоднозначность выбора формы, сохраняющей собственно перфектные употребления; это может быть как «короткая» форма (сербский), так и «длинная» (болгарский).

Таблица 1

	Результатив	Эвиденциальность	Перфект	Развитие в сторону претерита	Зависимое предложение
Литовский (1)	ДЛ,КОР				
Чукотский	ДЛ,КОР				
Хинди	ДЛ,КОР		КОР		
Литовский (2)		КОР	КОР,ДЛ		
Арчинский	ДЛ	КОР	КОР		
Древнерусский	>ДЛ?	КОР?	>КОР	КОР	>КОР?
Сербохорватский		КОР	КОР,ДЛ	ДЛ	КОР
Болгарский		КОР,ДЛ	ДЛ		
Албанский		КОР	ДЛ		
Немецкий			ДЛ	ДЛ	ДЛ,(КОР)
Шведский			ДЛ		ДЛ,КОР

Литература

- Вимер Б. 2008. Косвенная засвидетельствованность в литовском языке. В. С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука», 197–240.
- Генюшоне Э. Ш., Недялков В. П. 1983. Результатив, пассив и перфект в литовском языке. Не-
 дялков (ред.), 160–166.
- Грицкат И. 1954. О перфекту без помоћног глагола у српскохрватском језику и сродним синтак-
 сичким појавама. Београд: САНУ (Посебна издања, књ. XXIII).
- Зализняк А. А. 1995. Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры. (2-е изд. 2004).
- Калинина Е. Ю. 2001. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М.: ИМЛИ РАН.
- Калинина Е. Ю. 2004. Выражение предикативных категорий и место связки в структуре имен-
 ного предложения. Храковский В. С., Мальчуков А. Л., Дмитренко С. Ю. (ред.). 40 лет
 Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 129–144.
- Кибрик А. Е. 1977. Опыт структурного описания арчинского языка. М.: МГУ.
- Кречмер А. Г., Невекловский Г. Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский язы-
 ки). Языки мира. Славянские языки, М.: Academia, 139–198.
- Липеровский В. П. 1976. Выражение значения результативного состояния в хинди.. Индийская
 и иранская филология. Вопросы грамматики. М.: Наука, 100–114.
- Недялков В. П. (ред.) 1983. Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив,
 перфект). Л.: Наука.
- Недялков В. П., Инэнликей П. И., Рахтилин В. Г. 1983. Результатив и перфект в чукотском языке.
 Недялков (ред.), 101–109.
- Недялков В. П., Яхонтов С. Е. 1983. Типология результативных конструкций. Недялков (ред.), 5–41.
- Ницолова Р. 2006. Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности с категориями времени
 и лица глагола в болгарском языке. Вопросы языкознания, 2006, № 4, 27–45.
- Петрухин П. В. 2004а. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Сино-
 дальному списку. Russian Linguistics 28: 73–107.

- Петрухин П. В.* 2004б. Экспансия перфекта в древнерусском летописании как типологическая проблема. Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 313–329.
- Петрухин П. В.* 2008. Дискурсивные функции древнерусского плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей). В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.), Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: 2008. 213–240.
- Сичинава Д. В.* 2007. Два ареала сверхсложных форм в Евразии: славянский плюсквамперфект между Западом и Востоком. Вяч. Вс. Иванов (ред.). Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола. М.: Пробел-2000, 2007, 102–130.
- Фридман В.* 1983. Значение на отдавна минало време за историята на българския език. Исторически развой на българския език. Доклади. Т.1. София: Българска академия на науките, 111–126.
- Шевелева М. Н.* 2006. Некнижные конструкции с формами глагола быти в Псковских летописях. Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., ЯРК. — С. 215–241
- Bybee, J., Dahl, Ö.* 1989. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world. *Studies of language* 13–1.
- Bybee, J. et al.* 1994. *The Evolution of Grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world.* J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca; Chicago and L.: University of Chicago Press.
- Dahl, Ö.* 1985. *Tense and Aspect Systems.* Oxford: Blackwell.
- Dahl, Ö.* (ed.) 2000. *Tense and Aspect in the Languages of Europe.* B., N.Y.: Mouton de Gruyter.
- Dahl, Ö.* 2000. The tense-aspect systems of European languages in a typological perspective. Dahl (ed.), 3–25.
- Dahl, Ö.* 2004. *The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity.* Amsterdam: Benjamins.
- DeLancey, S.* 1997. Mirativity: the grammatical marking of unexpected information. *Linguistic typology* 1.1: 33–52.
- Duchet, J.-L., Pěrnaska, R.* 1996. L'admiratif albanais : recherche d'un invariant sémantique. Guentchéva, Z. (ed.), 1996. L'énonciation médiatisée. Louvain—P. : Peeters, 31–46.
- Friedman, V. A.* 2000. Confirmative/nonconfirmative in Balkan Slavic, Balkan Romance, and Albanian with additional observations on Turkish, Romani, Georgian, and Lak. Johanson, L., Utas, B. (eds.) 2000. *Evidentials: Turkic, Iran and Neighbouring Languages.* B., N.Y.: Mouton de Gruyter, 329–366.
- Guentchéva, Z.* 1996. Le médiatif en bulgare. Guentchéva, Z. (ed.) 1996. L'énonciation médiatisée. Louvain—P. : Peeters, 47–70.
- Hopper, P. J.* 1991. On some properties of grammaticization. E. Traugott, B. Heine (eds.), *Approaches to grammaticalization*, Amsterdam: Benjamins, vol. 1: 17–35.
- Hopper, P. J., Traugott, E. C.* 1993. *Grammaticalization.* Cambridge, England: Cambridge University Press.
- Johanson, L.* 2000. Viewpoint operators in European languages.. Dahl (ed.), 27–187.
- Levin-Steinmann, A.* 2004. Die Legende vom Bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktionen der kopulalosen I-Periphrase. München: Otto Sagner (Slavistische Beiträge, 437).
- van Schooneveld, C. H.* 1959. A Semantic Analysis of the Old Russian Finite Preterite System. 's-Gravenhage.
- Tatevosov, S.* 2001. From resultatives to evidentials: multiple uses of the Perfect in Nakh-Daghestanian languages. *Journal of Pragmatics* 33, 443–464.
- Tommola, H.* 2000. On the perfect in North Slavic. Dahl (ed.), 441–478.